

К.б. н., вед. н. с. ЮНЦ РАН
А.Д. Липкович

Династия (к 110-летию со дня рождения Льва Борисовича Беме)

А.Д. Липкович

26 февраля текущего года исполнилось 110 лет со дня рождения замечательного русского орнитолога, знатока птиц Северного Кавказа Льва Борисовича Беме. Научные публикации и книги Льва Борисовича сыграли большую роль в становлении нескольких поколений любителей природы и профессиональных орнитологов не только Кавказа, но и всей России.

Мне посчастливилось в течение многих лет общаться с сыном Льва Борисовича, профессором Московского университета Рюриком Львовичем Беме. Рюрик Львович руководил моей диссертационной работой по изучению птиц высокогорий Центрального Кавказа. В наших беседах обсуждались не только пути формирования авифаунистических комплексов, но и судьбы зоологов, посвятивших свою жизнь изучению кавказской природы. Как-то я попросил Рюрика Львовича рассказать об истории фамилии Беме. Ниже привожу в вольном изложении его рассказ, записанный после нашего разговора в октябре 1991 года.

«Мои предки попали в Россию, по всей вероятности во времена правления Екатерины Второй, из Верхней Силезии, или Эльзаса. В то время много немецких специалистов было приглашено на службу государству российскому. А с Кавказом судьба фамилии связана, начиная с прадеда, Ричарда Васильевича. По профессии он был инженер-путеец и руководил строительством железной дороги из Ростова во Владикавказ. После окончания строительства остался жить в этом городе. До сих пор сохранился построенный им двухэтажный дом с внутренним двориком, в котором был когда-то фонтан.

Хорошо помню деда, Бориса Ричардовича. Окончив юридический факультет Московского университета, он служил присяжным поверенным в родном Владикавказе. Это был человек вольных демократических взглядов, блестящий адвокат, имевший обширную практику. Если брался вести дело, то по-

чти никогда его не проигрывал. Среди клиентов деда было много ингушей. Репутация удачливого адвоката, защитившего интересы многих соплеменников, сделала фамилию Беме известной в Ингушетии. Это очень помогло отцу, в нелегкие времена проводившему орнитологические наблюдения в ингушских горах. «Сын бачки Беме» был желанным гостем в любом горном селе. Если бы не это, вряд ли были бы собраны материалы, положенные в основу статьи «Птицы Северной Осетии и Ингушетии», увидевшей свет в 1924 году.

Борис Ричардович Беме

Характеризует нрав деда такой случай. Будучи человеком в высшей степени аккуратным, он всегда ходил на службу безупречно одетым и подтянутым. Но однажды Борис Ричардович получил приглашение на участие в судебном процессе, на который предписывалось явиться во фраке с бабочкой. Такое посягательство на свободу личности настолько возмутило деда, что в суд он явился в толстовке и босиком. Нетрудно вообразить, какую это вызвало реакцию...

Ценя собственную свободу взглядов и мыслей, дед приветствовал эти черты и в других. Так, он ежегодно перечислял значительные суммы из личных сбережений в помощь политкаторжанам, содержавшимся в колонии под Томском. Позднее моя учительница – из бывших политкаторжан – рассказывала, что многим эти пожертвования позволили выжить.

Увлекался дед и литературой. В начале двадцатых годов он был дружен с Михаилом Булгаковым. В соавторстве с ним была написана пьеса, которой потом оба были недовольны. В период, когда новая власть ругала А.С. Пушкина, друзья выступали в его защиту, за что им досталось. Революцию Борис Ричардович принял сразу. Был близко знаком с С.М. Кировым и Г.К. Орджоникидзе. В семейном архиве хранились фотографии, на которых он запечатлен с С.М. Кировым.

В первой волне репрессий дед с группой владикавказских интеллигентов был арестован по обвинению в антиправительственной деятельности. Над арестованными было решено провести показательный судебный процесс. Дали слово и подсудимым. Конечно, выступать пришлось деду. Борис Ричардович говорил так блестяще, что всем присутствовавшим стала очевидна несостоятельность обвинения. После его выступления обвиняемых прямо из зала суда отпустили домой.

Второй раз деда арестовали и осудили на закрытом процессе. Он был сослан в Казахстан, где работал... чабаном. Там же в лютую зиму он замерз в степи со своей отарой. Было это в окрестностях села Большая Чураковка Убагамского уезда Кустанайской области.

Отец, Лев Борисович Беме, родился 26 февраля 1895 года в городе Владикавказе. С детства он увлекался зоологией и поэтому, окончив юридический факультет Московского университета, куда поступил по воле отца, стал работать ассистентом на кафедре зоологии сельскохозяйственного института в городе Владикавказе. В 1922 году он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета и окончил его в 1924 году, после чего вернулся во Владикавказ. С того времени он работал на кафедре зоологии педагогического института сначала в должности ассистента и доцента, а с 1930 года – профессора и заведовал кафедрой до 1938 года, когда работа на кафедре была прервана. История повторилась. Отец был арестован и сослан в Казахстан, где до 1946 был инструктором станции защиты растений Карагандинской опытной станции. В 1946 году он вернулся в город Орджоникидзе на кафедру зоологии, а в 1948 году снова был сослан, на этот раз в город Новозыбков Брянской области, где умер 3 мая 1954 года.

Всю жизнь отец отдал зоологии. Особенно интересовался птицами. Он был одним из лучших знатоков фауны Кавказа. В последние годы жизни работал над изучением животных Казахстана и Брянской области. Перу его принадлежит большое количество научных работ. Наряду с этим, он был автором научно-популярных книг. Наиболее крупные из них – «Птицы Северо-Кавказского края», «По Кавказу», «Звери Северо-Кавказского края» и автобиографические «Записки натуралиста». Отец написал две книги о содержании птиц в клетках. Первой из них была «Жизнь птиц у нас дома», изданная Московским обществом испытателей природы в 1951 году и разошедшаяся уже в первые два месяца после выхода в свет. Многочисленные письма, с которыми читатели обращались к отцу, побудили его написать

вторую книгу о содержании птиц – «Певчие птицы».

Вспоминаю эпизод, произошедший в Хаталдонском ущелье Северной Осетии зимой 1996 года. Я тогда работал в Северо-Осетинском заповеднике и, пройдя многокилометровый маршрут для учета диких копытных животных по зимнему лесу, спустился к дороге, куда должна была подойти служебная машина. На поляне у края леса паслось стадо коров. Пастух – пожилой осетин – увидев меня с ружьем и рюкзаком, подошел поговорить. Речь зашла об охоте, диких зверях и их повадках.

Мой собеседник сказал: «Теперь – не то, что раньше. Какая охота на Кавказе была в старые годы! В молодости у меня была книга «Звери Северо-Кавказского края» Там так здорово все описано! Автор – немец какой-то. Даже фамилию запомнил – Беме. Хоть и немец, а здорово написал». К сожалению, сегодня книги Льва Борисовича Беме известны лишь немногим специалистам.

В годы перестройки я как-то спросил Рюрика Львовича, почему он не пытается вернуть дом, построенный во Владикавказе его прадедом, на что он ответил, что не хочет втягиваться в долгие судебные разбирательства, да и не верит в возможность что-либо

отсудить. Тем не менее по моей просьбе он написал заявление, которое я отвез во Владикавказ и передал в соответствующую инстанцию. Через некоторое время был получен ответ следующего содержания:

«Уважаемый Рюрик Львович!

Ваше заявление № Б-229 от 15.07.97 г. Управлением ФСБ России по РСО-А рассмотрено. По имеющимся сведениям, Беме Лев Борисович, 1895 г. р., русский, уроженец г. Дзауджикау, был арестован 19 июля 1938 года по подозрению в шпионской деятельности в пользу английской разведки. На основании этих данных он был осужден Особым Совещанием при НКВД СССР 11 января 1940 г., как социально опасный элемент, в ИТЛ сроком на 8 лет. Срок наказания отбывал в ИТЛ МВД Карагандинской области, освобожден 13 января 1946 г. по амнистии.

После отбытия наказания Л.Б. Беме с мая 1946 по июль 1948 гг. проживал в г. Дзауджикау, работал заведующим кафедрой зоологии Северо-Осетинского госпединститута, будучи профессором. В июне 1948 г. в связи с изменившимся положением г. Дзауджикау, Л.Б. Беме было отказано в прописке, как человеку, отбывавшему наказание в ИТЛ, имевшему судимость и паспорт, выданный по ст. 39 Паспортного устава. С августа 1948 г. по 1953 г. проживал в г. Новозыбков Брянской области, работал на кафедре зоологии Новозыбковского Госпединститута.

12 мая 1989 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.89 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов» постановление Особого Сове-

Лев Борисович Беме

щения при НКВД СССР от 11 января 1940 г. в отношении Л.Б. Беме было отменено, и по заключению, утвержденному прокурором республики, он реабилитирован.

Сведений о дальнейшей судьбе Л.Б. Беме в материалах архивного следственного дела не имеется.

Об имущественном положении на момент ареста имеются следующие сведения: в протоколе личного обыска от 19 июня 1938 г. указано об изъятии личных документов: паспорта, профбилета, военного билета, блокнота, серебряных монет – 15 шт., ружья с боеприпасами (ксерокопия протокола прилагается).

В протоколе допроса от 15 ноября 1938 г. говорится: «В Орджоникидзе я имел квартиру в доме, который до революции принадлежал моему отцу, по Павловскому переулку в доме №5».

В справке от 5 мая 1939 г. указано, что «...обвиняемый Беме Л.Б. лично принадлежащего имущества не имеет, а поэтому опись не производилась. Квартирная площадь не опечатывалась (ксерокопия справки прилагается).

Иными сведениями об имуществе Л.Б. Беме Управление ФСБ России по РСО-А не располагает.

Приложение: ксерокопия протокола обыска от 19.06.1938г. на 1 листе.

Ксерокопия справки от 5.05.39г. на 1 листе.

Начальник подразделения

*УФСБ России по РСО-А
Ф.С. Цахилов»*

В протоколе обыска, среди описи изъятых документов, кроме перечисленных в приведенном письме, указаны: личная переписка – 81; блокноты, записные книжки – 10; фотокарточки – 37; печатная работа Дементьева – 1; записи от руки – 19; материалы, отпечатанные на машинке – 3; общая тетрадь с записями – 1.

Вероятно, эти интереснейшие документы и сейчас лежат в архивах ФСБ и по-прежнему недоступны специалистам и родственникам Льва Борисовича.

Рюрик Львович Беме родился в 1927 году. Продолжая дело отца, он окончил биологический факультет Московского университета и посвятил свою жизнь изучению птиц. Под руководством замечательного орнитолога Г.П. Дементьева (чья «печатная работа» числится среди документов, изъятых при обыске у Л.Б. Беме) защитил кандидатскую диссертацию о фауне птиц Центрального Кавказа, а затем докторскую, посвященную птицам гор Южной Палеарктики. Рюрик Львович посвятил много научных работ осмыслению закономерностей формирования фауны птиц Кавказа и других горных стран. Как и отец, через всю жизнь он пронес увлечение содержанием певчих птиц. Даже не увлечение, а страсть! Во время моего первого посещения его квартиры меня поразили стеллажи с клетками, в которых содержалось около полутора ста птиц разных видов. Многовато для двухкомнатной московской квартиры, в которой кроме того проживали две охотничьи собаки и их хозяйка.

Как и у старших представителей рода, судьба Рюрика Львовича не была простой. В годы Великой Отечественной войны семья Беме была выслана из города Орджоникидзе в Казахстан из-за принадлежности к нации враждебной страны. В третьем поколении носители фамилии Беме стали ссыльными в казахстанских степях. Время было голодное. Выжить помогало знание дикой природы, любовь к охоте.

«Знаете, Саша, – рассказывал Рюрик Львович, – я ведь отлично стрелял из рогатки! Охотился на озерах на уток. Ружье нам держать не разрешали. Интересное время было. Правда, голодноватое. Да еще несколько раз забирали на комиссию по призыву в армию. А я в детстве топором повредил ногу. Так вот, приезжали на машине, увозили за 50 километров в район, а после комиссии как непригодного отпускали – «иди домой». А два раза возили в область за 200 километров».

Трудности жизни не ожесточили душу молодого человека. И не последнюю роль в этом, по моему убеждению, играло постоянное общение с природой. Все, кто знал Рюрика Львовича, утверждают, что главная черта его характера – доброта. Кажется, что бурные события, захлестнувшие в последние десятилетия нашу страну, никак не отразились на размеренной

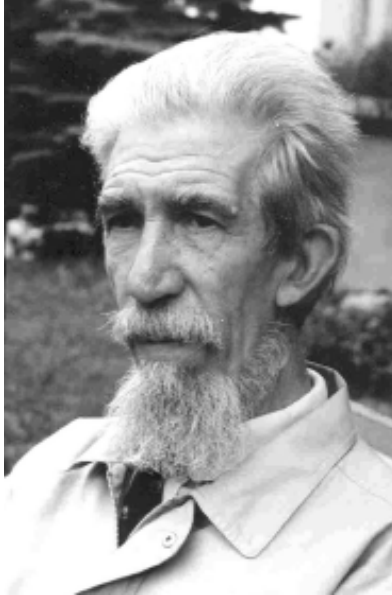
жизни небольшого профессорского кабинета на пятом этаже биофака МГУ. Уверенность во временности трудностей, в важности научного труда, необычайная внутренняя сила и спокойствие передавались окружающим.

Много лет назад стал Рюрик Львович москвичом. Но всегда с любовью вспоминал горы Северного Кавказа, наблюдения за птицами, охоту. В саду на даче росли привезенные из родных мест подснежники, пролески, фиалки, напоминая своим цветением первые проталины в горных лесах, говор ручьев и пение птиц.

Как-то, уезжая из Москвы на Кавказ, я спросил Рюрика Львовича, что привезти ему с родины. «Саша, привезите мне карподакуса», – попросил он. Сколько было радости, когда осенью я привез заветную птицу. Это был молодой самец большой чечевицы – птицы самых высоких поясов гор. Из междугородных телефонных разговоров я узнавал о том, что «карподакус» запел, или при линьке так и не надел ярко-красный взрослый наряд.

Когда после защиты диссертации я приехал в Москву получать диплом, Рюрик Львович огорчился, узнав, что выдали мне его без жестких «корочек». Назавтра он принес из дома «корочки» от своего кандидатского диплома. «Вот, Саша, мне они все равно не нужны, а вам память будет». Да, осталась память. Светлая память о большом ученом и удивительно добром, сильным духом человеке. Рюрика Львовича не стало в 2000 году.

Сегодня на кафедре зоологии позвоночных Московского университета преподает профессор Ирина Рюриковна Беме. Династия продолжается.

Рюрик Львович Беме